

вот он. И немалое число западных стратегов задалось вопросом: а нужен ли нам сильный СССР? И надо было быть политиком редкой интеллектуальной отваги, самостоятельности, чтобы ответить на такой вопрос: да, нужен. Находились ли такие?

Способность делать прогнозы: Майский и Кеннан

Надо сказать, что еще в 1943 году наш дипломат И.М.Майский, назначенный заместителем Наркома иностранных дел, составил рабочую записку о том, что ждет мир после войны. Он считал, что «руководящая роль в области мировой политики окажется в руках СССР, США и Англии и от характера отношений между этими тремя державами будет в огромной степени зависеть ход событий». «Вероятную позицию» США после войны он представил так: «Все говорит за то, что США явятся в этот период твер-

Союзники. Маршал Советского Союза Г.К.Жуков и генерал Д.Эйзенхаузер. 1945. Фото Е.Халдея

дьней в высшей степени динамического империализма, который будет стремиться к имперской экспансии в различных концах мира: в Америке и в Азии, в Австралии и в Африке. Эта экспансия не мимоходит, вероятно, и Европу, хотя здесь она должна будет принять формы несколько иные...» Майский полагал, что экспансия США в остальном мире также будет «нового типа»: «Не столько территориальная аннексия (хотя в известных случаях и она не исключается), сколько финансово-экономическая аннексия».

Политика государственных дея-

телей США в последние полвека показала, сколь точен в главном был прогноз советского дипломата.

Жизнь, однако, не была так линейна, как может показаться в далекой перспективе, глядя из сегодня.

Широко известно, например, что поверенный в делах США в Москве Д.Кеннан перед отъездом на роди-

КУРИЛЫ: НАЧАЛО И КОНЕЦ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

О.М.БОНДАРЕНКО, экономист и журналист, работая на Курильских островах, подробно изучал их историю. Его книга «Неизвестные Курилы» содержит много новых материалов, позволяющих более полно и точно оценить связанные с ними события. Предлагаем вашему вниманию фрагменты этого объемного труда, относящиеся к страшной войне XX века.

Серым хмурым днем 26 ноября 1941 года японская эскадра вышла из залива Хитокаппу Курильского острова Итуруп и взяла курс на Пёрл-Харбор. Корабли плавно рассекали хищными носами тяжелые океанские волны... Через одиннадцать дней американские военно-морские силы на Тихом океане по сути временно перестанут существовать. А смерть, таким образом, придет к ним с Курильского архипелага.

13 апреля 1941 года японское правительство заключило с СССР Пакт о нейтралитете. Очень странный и компромиссный документ. Его лучше все-таки назвать пактом о вооруженном нейтралитете. Формально он действовал до весны 1945 года. В действительности же он весьма мало соблюдался. Япония, как ни в чем не бывало, выборочно задерживала советские суда в Курильских проливах (особенно с грузом по ленд-лизу). Всего в 1941—1943 годах Япония задержала 178 наших судов, а 12 особо не понравившихся даже потопила. Правда, вся ответственность перекладывалась на немецкие подводные лодки. (Эти цифры широко известны, см., например: В.Багров, «Южносахалинская и курильская операции, август 1945», М., 1959.)

Менее известно, что наши суда постоянно залезали в японские территориальные воды по причине трудностей навигации у советских берегов. С августа 1943 года японский генштаб приказал своим службам вообще закрыть на это глаза и не трогать советские суда (а также американские суда под советским регистром), чтобы не вызвать международных осложнений.

Япония также сосредоточила огромную армию вблизи границ СССР. Сталин же, несмотря на «нейтрали-

тет», вел переговоры с союзниками о военных действиях против Японии...

Американцы не забыли обиду, причиненную им. И месть их затронула Курилы. Частые бомбардировки в течение войны периодически сотрясали Шумшу, Парумшир, Уруп, Итуруп и другие острова. Американские подводники расстреливали в прибрежных водах все, что попадалось им под руку. Японцы вынуждены были эвакуировать с островов несколько сот гражданских семей, огромное количество хоккайдских рыбаков. С ними выехала в Японию и часть айнов. Военные искусственно сдерживали приток сезонников на Курильские острова; но все же жизнь продолжалась — стране нужна была рыба. Курильские комбинаты работали по-прежнему. Только теперь, начиная с 1940—1941 годов, в качестве наемных рабочих на них стали преимущественно использовать корейцев с Сахалина и Хоккайдо. Обращались с рабочими очень сурово, по законам военного времени.

Нарушилась привычная связь с Хоккайдо. Все Северные и Центральные Курилы, включая Уруп, были полностью отданы в вотчину военным. Японский генштаб принял по-мальчишески задирристое решение — использовать Курилы как плацдарм для нападения на Алеуты и Гавайи (США); авантюра не удалась, но приговорила к страданиям весь огромный контингент солдат-смертников. В армии действовали звериные порядки — каждый офицер считал себя маленьким китайским императором. Провинившихся, инакомыслящих, дезертиров карали страшно: расстреливали или отрубали головы кривым самурайским мечом. На ряде островов существовали лагеря для военнопленных; на Урупе, например, их содержалось до трех тысяч человек — в основном китайцев и американцев с Филиппин. Все военнопленные были зверски уничтожены незадолго до конца войны...

В ноябре-декабре 1943 года на совместной встрече глав союзнических правительств в Тегеране Сталин неожиданно сделал заявление о вступлении СССР в войну с Японией после разгрома гитлеровских войск.

Особо точно и проникновенно Сталина понял его

ну отправил по дипломатической связи в Вашингтон пространный меморандум, который в истории международных отношений получил название «длинная телеграмма». Этот текст вскоре появился в американской печати за подпись «Х». Речь в нем шла о неизбежности противостояния СССР и США.

Но в Америке Д.Кеннан заговорил иначе. Вскоре после приезда он выступал в Станфордском университете в несколько ином духе. Запись выступления заполучило советское генеральное консульство в Сан-Франциско и спешно передало в Москву.

Кеннан в Станфорде утверждал, что «весьма большой слабостью является запугивание и некомпетентность» в отношениях с СССР по тем вопросам, которые «не затрагивают действительные интересы американцев». На вопрос из зала, возможна ли война с Советским Союзом, дипломат заявил, что

она бессмысленна: это была бы, выражался он, «борьба акулы с тигром». И пояснил, для непонятливых: «Я не рекомендую недооценивать их. Коммунистическое правительство намного сильнее, чем придают этому значение. Лидеры являются старыми, закаленными консервативными людьми, которые прошли тюрьмы... за свою веру».

Наверное, как заметил поэт, «большое видится на расстоянии». Кеннан — а вслед за ним и другие политики США, — не будучи поклонниками Советов, выступили тогда за отношения без явной конфронтации.

Сейчас, зная историю последующих десятилетий, в это трудно поверить, но речь шла даже о сотрудничестве — или, во всяком случае, некоторой взаимной «вежливости», предупредительности — в сфере ядерного вооружения!

В 1946 году американские военные пригласили наших представителей присутствовать на очередных

атомных испытаниях, на атолле Бикини. В Тихом океане. И четверо наших там действительно были*...

И человек, и народ, и государство ищут то, чего им недостает в мире, ищут и прежде не бывалое, и почему-то не достигнутое. Так что мировую историю надо изучать и по «обломанным ветвям». Несостоявшиеся своевременно пакты и уважительное партнерство «акулы» и «тигра» — из этого ряда.

Россия не может быть страной, не востребованной в мировом историческом развитии. В этом смысле она обречена, мы обречены — как бы ни старались, по выражению одного современного историка, послать нас дорогой из «Третьего Рима» в «третий мир», движение это окажется возвратным...

В.ЛОБАЧЕВ

* Данные по выступлению Кеннана и атоллу Бикини — в Архиве внешней политики РФ. Ведены в научный оборот Р.П.Хожа.

ближайший соратник Франклин Д.Рузвельт, удивительный политик, который не раз ошарашивал людей. Он умел смотреть на мир сквозь призму десятилетий. В своем стремлении во что бы то ни стало вовлечь СССР в тихоокеанскую войну Рузвельт не останавливался ни перед чем... Уже со временем Тегеранской конференции он тайно, в президентском кругу, начал говорить о передаче Стalinу Курил и Южного Сахалина*. Советник президента Р.Шервуд в книге «Рузвельт и Гопкинс» писал: «Совершенно очевидно, что Рузвельт еще перед Тегеранской конференцией в 1943 году был готов признать законность большинства, если не всех советских претензий на Дальнем Востоке, ибо они предусматривали возвращение России владений и привилегий, захваченных японцами в войне 1904 года».

Маловероятно, чтобы такая позиция объяснялась большой любовью Рузвельта к сталинскому СССР и обостренным чувством справедливости. Вдова Рузвельта Элеонора лучше, чем кто бы то ни было, видела и чувствовала своего мужа. Вот как она вспоминала о нем после войны: «Франклин... знал, что переговоры неизбежно предполагают определенные уступки, но он умел хорошо торговаться, был превосходным игроком в покер, и ему нравилась игра переговоров».

Конечно, Рузвельт мыслил, как глобальный игрок, на пятьдесят ходов (лет) вперед. Многие его действия американцы поняли и оценили лишь после его смерти. Курилы для него были всего-навсего ноликом, элементом игры.

В 1944 году объединенный комитет начальников штабов США фактически порекомендовал русским оккупировать юг Сахалина в интересах защиты морских коммуникаций между США и Приморским краем (Д.Степан, «История Сахалина». Перевод в газете «Гермес», Южно-Сахалинск, 1990, I-е полугодие).

15 декабря 1944 года американский посол Гарриман в Москве имел конфиденциальную беседу со Сталиным. Наконец-то США решились прямо спросить: что он потребует в обмен на войну? (Газета «Красное знамя», 26 декабря 1989). В тот же день в Вашингтон

полетела удовлетворенная телеграмма: требует Южный Сахалин и Курилы! («Краеведческий бюллетень», 1990, № 2). Теперь вроде бы все сходилось. Во всякой случае, 1 февраля 1945 года на совещании министров иностранных дел США и Англии элегантный Антони Иден с грустью сообщил: «У русских будут весьма большие требования; мы можем предложить им не очень много, но нам нужно от них очень много. Поэтому нам следует договориться о том, чтобы собрать воедино все, чего мы хотим, и все, что нам придется отдать. Это распространялось бы также и на Дальний Восток».

Правда, японцы в последний момент попытались было испортить игру и предложили отдать Курилы без боя. В июле 1945 года на секретных переговорах в Токио бывший премьер-министр Хирота Коки с санкции правительства предложил советскому послу Якову Малику Северные и Центральные Курилы в обмен на гарантию советского нейтралитета. Согласно сохранившимся документам, японцы не исключали и возможность передачи СССР Южного Сахалина.

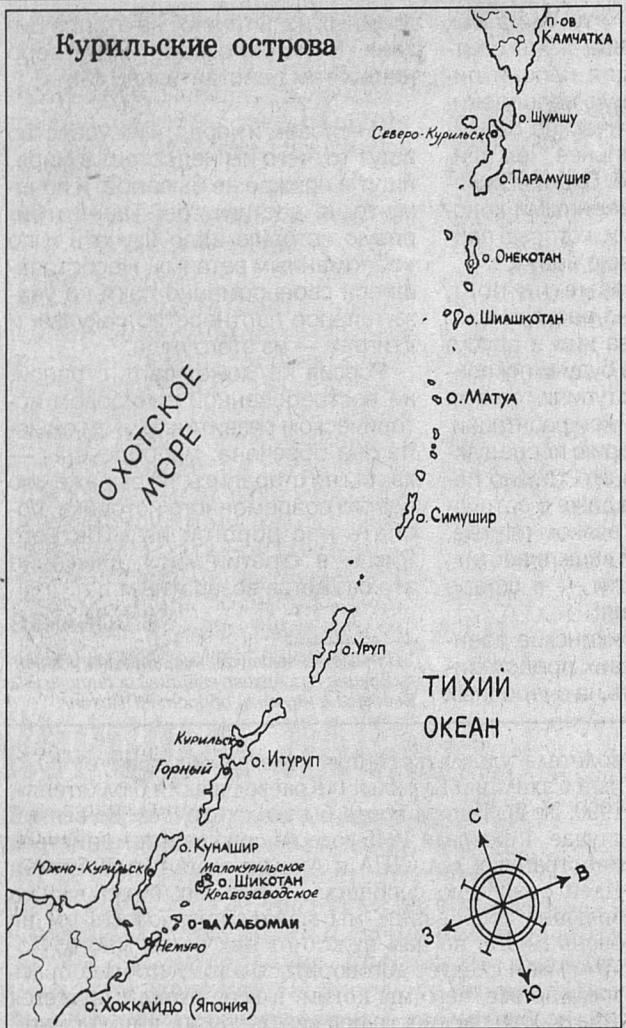
Но все-таки 8 августа 1945 года СССР заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и объявил Японии войну. После серии страшных ударов в Маньчжурии и на Южном Сахалине советские войска вышли к побережью Тихого океана. Началась новая веха в истории Курил.

Чисто внешне, по меркам войны, она выглядела довольно скромно. Хотя в стратегическом плане курильскую десантную операцию можно считать блестящей, с переправой через Днепр она по своим масштабам сравниться не могла. Рано утром 18 августа, через три дня после того, как император Хирохито дрожащим голосом сообщил о капитуляции страны, наши десантники высадились на остров Шумшу.

Только неожиданность атаки позволила русским компенсировать трехкратный перевес сил. Шквал огня покрыл буквально каждый клочок маленького острова суши. Гарнизон Шумшу, растерянный, голодный, давно лишившийся связи со своими, дико и отчаянно сопротивлялся. Правда, первые два дня он был уверен, что сражается с американцами. После пяти суток ожесточенных перестрелок гарнизон мрачновесил белый флаг. Пропитанный солью и брызгами,

* Инструкция Рузвельта американской делегации от 5 октября 1943 г. («Московские новости», 1.04.1990); речь на I-й сессии Совета по вопросам войны на Тихом океане 14 января 1944 г. («Краеведческий бюллетень», Южно-Сахалинск, 1990, № 2) и др.

Курильские острова

ких денег, карты с помеченными местами высадки и двух перепутанных агентов.

Настоящий расцвет шпионажа пришелся на период между 1951—1953 годами и продолжался вплоть до конца 1950-х. Именно тогда количество пойманных нарушителей-шхун превысило 30—40 в год, а в 1956 даже достигло 76. Нередко среди экипажа на палубе обнаруживали шпионов. Так, осенью 1953 года на борту суденышка «Сева-мару» в курильские воды забрели два инспектора школы радиоразведчиков Сашоро — Тани Акира и Такакура Ютака. Они дерзко сфотографировали войсковую часть на Кунашире, но на обратном пути были засечены. Наши пограничники подстрелили Такакуру в тот момент, когда он полусонный выпрыгивал из рыбакской избушки; Тани Акира же удалось бежать, и он в отчаянии метался по Кунаширу... На его зашифрованное донесение на Хоккайдо с просьбой о помощи пришел ответ... открытым текстом. Прямо в эфире американская разведка Си-Ай-Си заявила: «Шхуна выйти не может, в проливе советские пограничники. Уничтожайте улики. Молитесь Богу».

Примерно в то же время был пойман с поличным на борту шхуны «Хейси-мару» опытный агент Фудзудза Канамэ. Собственно, об этом сообщалось в печати. Вот о чем у нас не сообщалось, так это о случаях массовых террористических актов, когда их не удавалось предотвратить. Старожилы Парамушира рассказывали мне: в самом начале 1950-х в Северо-Курильске диверсанты убили начальника местного гарнизона со всей его семьей. Кстати, последнее преступление подготовили особенно эффектно: японцы специально приплыли за 1000 км с Хоккайдо(!), вошли ночью на катере в систему только им известных подземных туннелей, тайно проникли в сердце гарнизона и сделали свое «дело». Никого больше, кроме начальника и его семьи, не тронули. Это убийство вызвало широкий резонанс на Парамушире.

В середине 1950-х, по слухам, на восточной — необжитой — стороне острова Шикотан была вырезана погранзастава. К сожалению, мне не удалось узнать об этом никаких подробностей.

После подписания совместной советско-японской декларации 1956 года количество нарушений границы сократилось в четыре раза, а теракты почти прекратились. Видимо, в какой-то мере этому способствовали и принятые СССР меры сверхбезопасности: установлены мощнейшие прожекторы, которые ослепляли по ночам жителей Немуро, занят (незаконно) заброшенный маяк Каигара в трех километрах от японского берега и т.п. Но все же главной причиной сокращения нарушений была, конечно, встреча Хатоямы и Хрущева в Москве.

К началу 1960-х, когда советско-японские отношения вновь обострились, следует кратковременный всплеск морского бандитизма. В 1960—1962 задерживали по одному контрразведчику или разведчику в сезон (архив шикотанских пограничников сохранил их имена — Миодзимо, братья Такахаси Сеити и Такахаси Коидза, Муроями-Конти и др.). Но все это уже скроется смахивало на заключительные конвульсии.

Предположительно с 1963—1966 годов поток агентов иссяк. Изредка в 1960—1970-х наши пограничники задерживали кое-каких нерыбацких лазутчиков с японской стороны (сумасшедшие водолазы, сопливые юнцы, ученые с безумными глазами), но никаких терактов при этом больше не совершалось. Характер заданий «гостей» изменился: например, исследовать Тятя-яму на предмет извержения, экономически поживиться, либо просто вывести из себя советских солдат ради спортивного интереса.

Правда, шныряли рыбаки-браконьеры, но особого беспокойства в те годы еще не доставляли...

Р.С. Эхо войны: нарушители границы

Хотите историю курильского шпионажа? Тогда слушайте. Первые годы после войны нарушений границы было очень мало — от пяти до двадцати в год. И все — рыбаки-браконьеры. Правда, в 1947 году наш ПК-14 задержал шхуну, где обнаружил пачки советс-